

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНЯТИЯ "ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ"

Переход экономики Украины на рыночные рельсы обусловил все более усложняющуюся дифференциацию ценностно-смысловых ориентаций общества, вызвал к жизни новые типы социальной компетенции, индивидуального опыта. В силу господства коллективистской социально-политической идеологии, во времена бывшего СССР категориальный аппарат понятия "индивидуальный опыт" исчерпывающе исследован не был. В силу этого определилась проблема теоретического осмысления и практического задействования целостной психологической описательно-объяснительной характеристики жизненного опыта личности. В данной работе мы попытаемся проанализировать уровень теоретической разработанности проблемы жизненного опыта человека и определить направления ее дальнейшего исследования.

В работе "Координаты индивидуального опыта" А.Н. Лактионов, одним из первых в независимой Украине, обратился к исследованию проблемы индивидуального опыта, основываясь на деятельностном подходе А.Н. Леонтьева: "...генезис человеческого опыта можно выявить внутри такого категориального пространства, где родовой, по отношению к опыту, выступает жизнедеятельность человека, а сам опыт является ее превращенной формой". [1; 8] Методологической основой исследования проблемы жизненного опыта человека А.Н. Лактионов полагает интеграцию структуралистского и гуманистического подходов. Такая теоретическая установка обусловила выбор А.Н. Лактионовым предмета исследования - "...структурно-динамическая организация опыта конкретного человека в конкретных условиях жизнедеятельности, психологическое содержание "непосредственного /чистого/ опыта" [1; 12].

А.Н. Лактионов опирается на экзистенциальное измерение опыта как психологической реальности, так как последняя представляет для индивида личностный ресурс, которым можно пользоваться самому и делиться с другими. Причем, и то и другое, служит лишь обогащению жизненного опыта. Опыт развивается в индивидуальной жизнедеятельности, структурируя, тем самым, определенную содержательную направленность траектории жизненного пути человека. Субъектный опыт определяется А.Н. Лактионовым следующим образом: "...фиксированная форма жизнедеятельности индивида. Всякая форма /опыт/ содержательна, ...опытность – накопитель и источник знаний, умений, навыков; процесс – воздействие, усвоение, поведение; психические качества индивида. Структурно-функциональная основа индивидуального опыта – память, рефлексия, чувственная сфера" [1; 9].

Мы не разделяем мнение А.Н. Лактионов о том, что оценочное отношение к опыту по этическим параметрам не может быть продуктивным. Считаем, что такой подход обусловлен не пониманием опыта, как этически нейтрального феномена внутреннего мира личности, а всего лишь низким уровнем разработки проблемы опыта. Безусловно, аксиологические детерминанты имманентны жизненному опыту человека – ценности незримо, но мощно и властно определяют как индивидуальную жизнедеятельность, так и социальную динамику в целом. Кроме того, при таком понимании опыта из его содержания пришлось бы исключить смысловые конструкторы, передаваемые от старших поколений младшим в результате социального наследования. Из сказанного, с необходимостью, следует, что опыт является динамической целостностью, определяющей соответствующим образом жизненный процесс в настоящем и будущем. Таким образом, вполне ясно определяется социально-практическая потребность и задача в "...психологической драматургии отдельного индивида" [1; 18].

На Западе оживление интереса к изучению индивидуального опыта обусловлено стремительным развитием гуманистически ориентированных психотерапевтических практик: В. Вундт - экспериментальная психология, структурные единицы психической передачи опыта – процесс и результат; У. Джемс - радикальный эмпиризм; К. Роджерс, А. Маслоу – гуманистическая психология. Экспериментальный интроспекционистский подход В. Вундта, основывавшийся на параллелизме физиологических процессов и психической динамики, оказался непродуктивным в плане раскрытия сущности понятия "жизненный опыт". Выходец Лейпцигской школы и ученик В. Вундта одессит Н.Н. Ланге, работавший по методике традиционного эксперимента – (время реакции, восприятие, внимание), вышел за рамки изучения непосредственного опыта субъекта жизнедеятельности, впервые выявил её надситуативную составляющую, показав тем самым ограниченность эмпирического потенциала интроспекции. Преодолению указанного выше параллелизма, во многом, способствовала теория психической и социально-исторической включенности индивидуального опыта в жизненный процесс другого одессита С.Л. Рубинштейна. Бесперспективность исследования опыта в сугубо экспериментальном пространстве позволила американским социальным психологам К. Рубинштейну и Ф. Шейверу прийти к заключению, что научное сообщество переопределило психологию как "...науку о поведении и опыте" [2; 261].

Опыт являлся важной составляющей философско-психологического учения прагматизма (Ч. Пирс, У. Джемс, Д. Дьюи, Дж. Мид и др.). Прагматизм обращается к социокультурным основам активности человека, его "повседневью". Интеллектуальным "путеводителем" непосредственной индивидуальной жизнедеятельности индивида является обыденное сознание как коллективный феномен и здравый смысл как индивидуальный феномен. Объективное философско-психологическое изучение выше обозначенных структур сознания до сих пор осуществлено в недостаточной мере, особенно в плане целостного осмысления детерминант и феноменологии повседневной активности индивида. По сути, истоки и движущие силы личностной эффективности и социальной успешности – тайна за семью печатями для фундаментального социогуманитарного знания. Так, психологию всегда больше интересовали отдельные виды социально значимых деятельностей – учебной, профессиональной, военной, педагогической и т. п., а исследование непрерывного жизненного процесса представлялось ученым достаточно сложной проблемой, не имеющей, к тому же, и своего социального заказчика. Особенно это верно в отношении психологии советского периода. В связи с этим перед антропологическими науками четко и однозначно определилась задача поистине глобального гуманистического масштаба – системное изучение человеческих сущностных сил. Аргументация и обоснование данного тезиса – задача отдельной работы.

Обращаясь к широкому социокультурному контексту рассматриваемой проблемы, можно напомнить, что целенаправленное регламентирование и регулирование непосредственной жизнедеятельности наиболее сильно представлено в ортодоксальном иудаизме. Причем, в отличие от христианства, формулирующего моральный декалог в отрицательных предостережениях " ...не убий, не укради, не прелюбодействуй... ", иудаизм, более чем в пятистах этических позитивно-утвердительных рекомендациях, представляет бережно передаваемые из поколения в поколение, образцы простых для усвоения даже ребенком, поведенческих программ функционально-ролевого, межличностного, внутри и – межобщностного плана. И, хотя часть из них носит характер религиозной традиции (праздники, обряды священнослужительства), нормирование повседневной жизнедеятельности все же является позитивным фактором социального наследования еврейской этнической культуры. Детально-скрупулезная нормативная регуляция индивидуальной жизнедеятельности и социального взаимодействия в микросреде присуща также почти всем архаичным культурам.

Однако американско-европейский тип социального наследования был и остается, по преимуществу, технократичным. Во главе угла здесь стоит задача формирования и развития профессиональной компетентности. Родители, средняя высшая школы ориентируются на подготовку растущего человека к профессиональной деятельности и почти не обращают внимания на технологическое оснащение его индивидуального существования в жизненном мире. При таком негуманном подходе жизнедеятельностная компетенция формируется спорадически, за счет присвоения опыта непосредственного окружения, а также социального заражения стереотипными тактиками поведения в различных обстоятельствах и ситуациях, присущих "родной" социокультурной общности.

Видный представитель прагматизма Ч. Пирс, пожалуй, впервые отошел от сциентистского подхода к пониманию индивидуальной жизнедеятельности. Святая, и во многом, наивная вера эпохи Просвещения в то, что человек несчастен только потому, что невежествен, не выдержала испытания временем. Оказалось, что прирост научного знания и многосторонняя эрудиция человека не являются залогом его личностной эффективности и социальной успешности. Общеизвестную мудрость – многознание уму не научает, – следовало бы дополнить – и не учит искусству жизни. В то же время для того, чтобы социогуманитарное знание оказывало действительно воспитывающее влияние, оно должно быть реконструировано в соответствии с принципиально новой гуманной социально-педагогической парадигмой. Здесь мы только обозначаем данную проблему, надеясь обратиться к её более детальному рассмотрению в других работах.

Сомнение Р. Декарта, как основную методологическую установку, утверждающую безусловный приоритет логического /рационального/ над, такими донаучными феноменами, как здравый смысл, оценочное суждение, традиции, аккумулирующимися в индивидуальном опыте, Ч. Пирс трансформирует в категории психологические. Сомнение переходит из преимущественно гносеологической категории в жизненное пространство непосредственного существования конкретного человека. Единственным достоверным "компасом" человеческой жизни, по Ч. Пирсу, является опыт. И, хотя пока объективно и содержательно достаточно трудно определить данный интеллектуально-психологический конструкт, тем не менее, следует признать, что "черный ящик" личного и социального опыта индивида является его самым достоверным "руководством к действию". В свою очередь, личный опыт обогащается, благодаря поступанию, действию.

В данном отношении важно, чтобы событийная "волна" жизненного пути индивида была надлежащим образом социально-педагогически структурирована.

Не отрицая важности декартовских восприятия и рефлексии, Ч. Пирс выдвигает на первый план социальную адаптацию и инициативную авторскую деятельность субъекта. В данных ипостасях жизнедеятельности Всеобщий Опыт для действующего индивида менее значим, нежели личный. Ч. Пирс в этом отношении прав, поскольку психологическую аксиому о том, что не используемые, не актуализируемые знания для индивида бесполезны, еще никто не отменил. В связи с этим необходимо отметить, что западная традиция социального наследования упорно навязывает растущему человеку преимущественно "мертвые знания", пренебрегая "живым опытом" конкретных деятельностей, как основным способом обогащения жизнедеятельностной компетенции [3].

Если представители Лейпцигской школы в ходе экспериментального изучения опыта человека, стремились исключать такие психологические "помехи" - артефакты, как социальные автоматизмы, "вольные" оценочные суждения, предубеждения, не поддающиеся формализации, то прагматики старались изучать феноменологию сложноструктурированного человеческого опыта во всем богатстве осуществленных деятельностей и формируемых ими психологических качеств – конструктов. При таком подходе, аксиология действующего индивида приобретает явное преимущество над его гносеологией. Все, что способствует росту эффективности человека, все, что полезно, то и истинно для него, были убеждены прагматики.

В самом деле, реальная социокультурная динамика определяется не только рационалистически, но, во многом, теми смысловыми конструктами, в которые представители различных этнических культур попросту некритически и бесхитростно верят. Наиболее очевидным подтверждением данного утверждения является религиозное сознание. Божественная благодать не познается рационально, но принимается чувственно одномоментно, становясь навсегда личностно значимым душевно-духовным и интеллектуальным феноменом. И, хотя все религии дают человеку больше надежду, нежели реальную пользу или выгоду, они во многом определяют направленность и характер жизнедеятельности как человеческих общностей, так и конкретных людей.

Во главу угла версии прагматизма У. Джемса положена категория "субъект". У. Джемс предпринял попытку, основываясь на методологическом подходе В. Вундта, распределить субъективный опыт посредством анализа осуществляемых деятельностей – предметных действий, направленных на адаптацию человека к социальной среде. Подобный подход позволил У. Джемсу выявить механизм взаимосвязи внутреннего /сознания/ и внешнего /активности/. Кажущаяся противоположность субъектного опыта и истины снимается У. Джемсом в новом понятии "чистого опыта", суть которого – длящийся жизненный процесс субъекта, отзеркаливающего внешнюю среду и избирательно присваивающего из формирующегося информационного пространства личностно значимые смысловые паттерны [4; 131].

В рамках теории радикального эмпиризма и актуальная, и потенциальная активность субъекта детерминируются его опытом. И, хотя У. Джемс был убежден, что индивидуальный опыт может быть дифференцирован /личностный, социальный, религиозный и т. п./, его системный анализ в учении радикального эмпиризма дан не был. Более того, в отличие от механистически-структурального понимания опыта В. Вундтом, У. Джемс был склонен определять его

абстрактно – "непрерывный поток сознания". Именно такого рода интерпретация опыта У. Джемсом послужила основой для современного его понимания психологией как континуального артефакта субъектной активности. Важное значение У. Джемсом придавалось направленности социального индивида в формировании, накоплении и применении жизненного опыта. В связи с этим тип социального устройства определяется У. Джемсом как интегральная целостность индивидуальных вкладов субъектов социального взаимодействия. Попросту говоря, каковы люди, таков и социум.

Социальное взаимодействие в учении У. Джемса опосредуется в дихотомии сознание – опыт. Избирательность предметных полей (активности) индивида, таким образом, обуславливается сознательным выбором. При этом, деятельность понимается не как родовая, а сугубо субъектно-личностная. Сознание обогащается, преимущественно, самим непрерывным процессом восприятия себя в жизненном мире, ведущим к накоплению субъектного опыта. В целом, У. Джемс, несмотря на детальный анализ онтологической дихотомии "сознание – опыт", не дает содержательных определений того и другого, как впрочем и прагматической интерпретации субъект-субъектного и субъект – объектного взаимодействия. Социальная функция веры в Бога представляется У. Джемсу стабилизационной, необходимой для уравнивания социального хаоса, в который вмещен человек от рождения до смерти: "Центром, внутри которого вращается религиозная жизнь..., является забота человека о своей личной участи" [5; 247].

Значительный вклад в изучение индивидуального опыта сделан американским ученым Д. Дьюи. Прежде всего, им была определена дуальная биолого-ценностная детерминация опыта. В соответствии с учением Ч. Дарвина, ученым очерчивалась параллель между биологическим приспособлением индивида к среде обитания и социальной адаптацией. В отношении последней универсальным средством полагалась выработка стереотипно-нормативных поведенческих программ – привычек. Таким образом, социальное наследование понимается им как передача подрастающим поколениям преимущественно социальных умений и навыков, предпочтительнее от их "живых" носителей, а не "мертвых", обезличенных академических истин. Подобный подход к пониманию роли и значения инструментально-технологической оснащенности человека импонирует индивидуалистическому менталитету среднего американца и во многом способствовал тому, что идеи Д. Дьюи оказали существенное влияние на духовную жизнь США. К сказанному следует добавить, что версия прагматизма Д. Дьюи в первой половине 20 века была принята в качестве методологической основы системы образования Америки.

Непрерывность, внутреннее единство качественно специфичных видов жизненного опыта человека У. Джемса уступает у Д. Дьюи место дискретному его пониманию в масштабе жизненного пути. Конкретные этапы человеческой дороги жизни актуализируют необходимость овладения определенными номенклатурами деятельностей, применения тактик поведения. Необходимо при этом указать на такое очевидное свойство индивидуальной жизнедеятельности, как "сквозную" сохранность определенной части социальных автоматизмов, обеспечивающих биологическое жизнеобеспечение и межличностную коммуникацию с близким окружением. На рубежах качественно своеобразных периодов жизни часть поведенческих программ оседает в опыте, а на их место приходят другие. Именно в этом жизненном феномене и усматривает Д. Дьюи скачок – перерыв постепенности в развитии личности, формировании её компетентности и опыта. Проблема оптимизации функционирования человека в рамках возрастных циклов жизненного процесса рассматривалась, в том числе, и К. Юнгом. Последний указывал на необходимость изучения "...нормальной психологии различных возрастных ступеней..., мы должны заниматься проблемами, трудностями, сомнениями, неоднозначностями – одним словом, вопросами, на которые можно дать сразу несколько ответов, причем ни один из них не будет достаточно надежным и бесспорным" [6; 194].

Не вникая глубоко в рассмотрение детерминант, определяющих качественную специфику жизненной динамики на тех или иных этапах жизненного пути человека, остановимся лишь на его переломных барьерах – рубежах. Именно здесь возникают "...проблемные состояния – внутренние конфликты с самим собой" [6; 195]. Основой появления такого рода критических периодов жизненного процесса К. Юнг считал субъект – объектный характер жизнедеятельности человека. Социум выдвигает перед каждым возрастным этапом человека определенные задачи-требования, которым он должен соответствовать. Необходимость овладения компетенцией, позволяющей эффективно действовать на очередном этапе жизненного пути, может ввергать человека в состояние тревожной неуверенности и беспокойства, например: "Достанет ли у меня мудрости и душевных сил, чтобы создать прочную семью и сохранить её?", "Хорошей ли я буду матерью своим детям?". Возникает потребность переучиваться, расширять зону компетентности, совершенствовать личностную эффективность.

Психолого-этическое содержание такого рода проблемного состояния определяется сомнением человека в способности обретения новой жизнетворческой "квалификации", а порой и нежеланием расставаться с прежней уютной, психологически устойчивой и спокойной возрастной и социальной нишей. Так общеизвестно, зачастую скрываемое даже от самого себя "сопротивление" становится взрослым, расставаться с любимым внутренним ребенком. К. Юнг считал, что неспособность и неумение овладеть новым типом жизненной компетенции может приводить к формированию комплекса неполноценности. Также способствуют появлению рубежного психологического дискомфорта неадекватные социальные ожидания, неправильная оценка жизненных обстоятельств, легкомысленный оптимизм или же пессимистический негативизм, обусловленные во многом не оптимальным процессом социализации.

Д. Дьюи и К. Юнг единомысленны в отношении структурных единиц измерения поступательного хода жизненного процесса – это события – достижения. Очевидно, что последние – результирующие контрапункты (получение диплома о высшем образовании, уверенный карьерный рост, защита диссертации, жизненный успех детей и т. п.) личной жизненной программы, адекватно интегрирующей потребность в достижениях, уровень притязаний и условия социальной среды. К. Юнг понимал достижения как "реперные" точки, становящиеся путями выхода из проблем, непрерывно возникающих перед человеком. Д. Дьюи полагал, что достижения являются, по сути, средством снятия (решения) задач, преодоления проблемных состояний. Темпоральный аспект самоопределения в жизненном проблемном поле носит, согласно К. Юнгу, преимущественно личностный характер. Стремление укрыться в уютном мирке прошлого закрывает дорогу развитию так же прочно, как и полное погружение в перспективную будущность, отрицающее позитивность опыта, накопленного на предыдущих стадиях жизненного пути. Такого рода полярные виртуально-психологические временные акцентуации зачастую становятся источником невротизации человека.

Очевидно, что оптимальный жизненный процесс может обеспечиваться только разумной интеграцией личностного

"прошлого" в актуальное "настоящее" ("...будь или не будь, делай же что-нибудь"), а также открытостью к восприятию нового опыта жизни. Достижения важны как универсальный способ самоутверждения, самореализации. Парадокс, однако, состоит в том, что социум, ценя и признавая значимость достижений человека, как таковых, в очень малой мере способствует развитию его личностной эффективности. Сложность субъект-субъектного взаимодействия обуславливает, с одной стороны, выбор стратегии жизни и тактик социального поведения, а с другой стороны, предъявляет "счет" в плане выполнения социальных задач, которые были поставлены человеком перед самим собой. "Драматургия и режиссура" жизненного пути определяется сценарным планом жизни, разрабатываемым человеком самостоятельно. Качественность экзистенциального спектакля "...собственной жизни зависит от того, найдены ли правильная линия жизни, верные идеология и принципы поведения" [7; 247].

Этико-психологическое единство жизнеосуществления на всех участках и поворотах извилистой дороги жизни является залогом адекватной самореализации. Залогом жизнотворческой эффективности и успешности К. Юнг считал такой качественный экзистенциал, как "цельность личности". В то же время "неквалифицированно" прожитая жизнь приводит к "неисполнению" Себя, возможно, к личностной дезинтеграции. В силу этого некоторые клиенты психотерапевтов жалуются на то, что они живут не свою, а чужую, навязанную, как им представляется, обстоятельствами и другими людьми, жизнь. Технологическими составляющими подобного рода неподлинных жизней являются - неудачная стратегия, плохая программа, неудовлетворительный сценарный план жизни, бездарная драматургия жизненного пути, приводят к трагедии его финальной части. Человек понимает, что жизнь не удалась, но ничего уже исправить не может. Цельность и качественная однородность жизненного процесса человека обеспечивается ценностной определенностью, интегрированной как в опыте жизни, так и в его целевой направленности.

Если у У. Джемса опыт – "поток субъективной жизни", то Д. Дьюи дает более детальную его характеристику через феноменальный ряд, в котором последний манифестируется: "...поле, солнце, облака, дождь, семена и урожай, человек, который трудится, составляет планы, изобретает, пользуется вещами, страдает и наслаждается. Опыт обозначает все то, что переживается в опыте, мир событий и лиц; он обозначает мир, воспринятый в опыте, деятельность и судьбу человека" [2; 319]. Безусловно, такого рода "литературное" определение опыта не является строгой научной дефиницией. Однако его можно рассматривать лишь как фрагментарное обозначение многозначности и разновидности опыта человека, который пока трудно поддается строгому теоретическому определению, понятийно-категориальной фиксации. В самом деле, структурно-динамическая палитра повседневно опыта /чувства, переживания, смыслозначения, потребности, интересы, проблемы, задачи/ настолько разнородна, что в настоящее время последнюю не представляется возможным определить дефиницией, полностью исчерпывающей её сущность.

Д. Дьюи неоднократно подчеркивал, что опыт – это не столько способ познания мира, то есть познавательный конструкт, сколько жизненная данность, во многом способствующая раскрытию и утверждению подлинного "Я" в человеке. В соответствии с собственной ценностной системой человек продуцирует уникальный жизненный процесс – делает выборы, ошибается, любит, побеждает и терпит поражения, страдает и радуется. Все происходит "здесь – и – сейчас", т. е. в реальном сиюминутном времени жизни. Именно поэтому жизненный опыт и представляет для человека безусловную ценность. Критериальной основой жизненного опыта по Д. Дьюи являются: "...успех и неудача – суть первичные "категории" жизни; достижение блага и избегание зла – ее высшие интересы; надежда и тревога – господствующие качества опыта" [2; 320]. Аналогичных взглядов придерживались К.Левин, Х. Хекхаузен, Ж. Ньюттен и др. Так, создатель мотивационной модели "успех – неудача" Х. Хекхаузен полагает, что в ее основе лежат микроопыты повседневной жизнедеятельности. [8; 167].

Технологическому инструментализму, как личностному атрибуту, как полагал Д. Дьюи присущи нерасчлененность познавательного и практического отношения к жизни, обеспечивающих "...надежное существование в опыте превосходных вещей всех видов" [2; 321]. Характеризуя социальное пространство, как основного поставщика личного жизненного опыта, Д. Дьюи отмечает наличие пропасти между естествознанием и гуманитарной антропологией, ведущей к деградации ценностной составляющей индивидуальной жизнедеятельности.

Проблема социальной детерминации жизненного опыта стала предметом исследований еще одного представителя прагматизма – Дж. Мида, который полагал, что коллективное жизненное пространство превалирует над индивидуальным. Для Дж. Мида индивид является частью социальных процессов и, в определенной мере, определяет их направленность и характер. Теория социально-психологического бихевиоризма Дж. Мида исходит из того, что человеческая "самость" Я /Self/ обнаруживается в поведенческих актах. В связи с этим можно утверждать, что социология для Дж. Мида – это "субъективная социология индивида". Самопорождение и структурирование "Я" осуществляется на основе способности субъекта рассматривать себя как объект и адекватно оценивать отношение к себе других людей. Социальная микросреда – необходимое условие самоосуществления личности: "Должны быть другие Я, если мы хотим, чтобы было наше собственное" [9].

Внутриличностная интеграция социального опыта осуществляется, как полагал Дж. Мид, только при избирательном освоении опыта других и образцов поведения, почерпнутые из сокровищницы мировой культуры. Взаимодействуя с социумом, участвуя своей деятельностью в социальных процессах, индивид вносит свой вклад в ее приспособление к потребностям всех членов общества. Оригинально и точно определяется Дж. Мидом характер корреспонденции между социумом и индивидуальным субъектом социальной практики - влияние социальной среды на индивида является императивным, а обратное воздействие избирательным. Дж. Мид считал, что: "Объекты конструируются в терминах значений внутри социального процесса опыта и поведения посредством взаимного приспособления друг к другу реакций или действий различных организмов, вовлеченных в этот процесс" [2; 331].

В результате осуществленного выше обзора интерпретации тремя версиями прагматизма понятия "опыт", можно сделать вывод о его системной биолого-социальной детерминации, порядке и механизмах продуцирования и использования. Инструменталистский подход прагматизма, представляющий социальную действительность и природный мир как нечто "произведенное", сделанное, подвергается справедливой критике С.Л. Рубинштейном: "Такому прагматическому изничтожению действительности нужно противопоставить другое соотношение человека и бытия – приобщение человека к бытию через его познание и эстетическое переживание – созерцание" [10; 298].

Гуманистическая психология, начиная со второй половины 20 столетия, выступила против бихевиоризма и

психоанализа. Методологической основой гуманистической психологии стала феноменология Э. Гуссерля и экзистенциальная философия с ее приоритетами ценности индивидуальной экзистенции, уникальности свободного выбора проекта Себя, нормативности личностного интеллектуально-духовного и психического развития. Практически все основоположники гуманистической психологии (Ш. Бюлер, А. Маслоу, Дж. Олпорт, К. Роджерс, В. Франкл, Э. Фромм и др.) были практикующими психотерапевтами. Следует отметить, что данное направление нашло своих многочисленных современных последователей - "практиков гуманизма" в рамках гуманистической и экзистенциальной психологии. Отличительной особенностью гуманистической психологии является обращение к рассмотрению структуры целостного жизненного пути человека в единстве его целевых установок – смысло-жизненной ориентации, жизненного проекта (плана), ценностной системы, опыта, ярко выраженного авторского начала, обуславливающих адекватное самоопределение и самореализацию. В частности К. Роджерс полагал, что ценностное измерение опыта определяет критериально-смысловой континуум развития и самореализации человека [11; 27]. Следовательно, согласно К. Олпорту, оптимальным способом изучения опыта должен стать "...длительный интерес к личности", то есть лонгитюдные исследования на протяжении всего жизненного пути.

Теоретической основой гуманистической психологии являются следующие положения:

- изначальная онтологическая свобода индивидуальной экзистенции;
- одним из важнейших каналов корреспонденции с социумом являются информационные потоки, формирующиеся в непосредственном опыте жизнедеятельности;
- в силу дуализма сознания и бытия, природа человека - человеческие сущностные силы – не могут быть исчерпывающе и однозначно определены;
- человек – всегда открытая для развития и совершенствования, социальная микросистема;
- целостность индивидуальной жизнедеятельности обусловлена артефактами жизненного процесса – единством осознаваемого и бессознательного, чувства и мысли, восприятия и переживания;
- сознание человека не определяется в целом ни потребностным профилем, ни защитами (фрейдизм), ни эпифеноменами бихевиоризма.

Из вышеперечисленных методологических установок, с необходимостью, вытекают этические принципы:

- ответственность человека за направленность и характер своей жизни;
- совершенное социальное устройство возможно при условии межличностного взаимодействия на принципах уважения, самодостаточности каждой индивидуальной экзистенции;
- негативное содержание жизненного опыта – сомнение, вина, тревога должны восприниматься другими толерантно;
- онтологическое измерение жизненного пути – три модуса времени, однако определяющим является настоящее;
- направленность жизненного процесса может быть гуманистической только основываясь на внутреннем опыте человека.

С прагматизмом у гуманистической психологии существуют следующие точки пересечения – пристальное внимание к человеческому повседневию и жизненному опыту, как к его концентрирующему ядру. Такие основополагающие смысловые конструкты гуманистической психологии, как духовность, ценностность, любовь, творчество, развитие, телесность роднят ее с этикой. Гуманистической психологии принадлежит несомненная пальма первенства в постановке проблемы изучения и развития нормального здорового человека, психологического обеспечения (метаконсультирования) становления самоактуализированной личности, стремящейся к самореализации. Считаем некорректным оценивать прагматизм и гуманистическую психологию в терминах "лучше" и "хуже". Более того, есть все основания утверждать, что гуманистической психологии как раз недостает социально-технологической и психолого-педагогической составляющих, которые с полным правом можно отнести к достоинствам и преимуществам прагматизма. В то же время аксиологическая компонента в прагматизме только обозначена, но так детально, как в гуманистической психологии, не отработана.

В русле четко определившейся в последние десятилетия тенденции к интеграции социогуманитарного знания имеет смысл говорить о компенсаторной взаимодополнительности тех учений и направлений философской антропологии, психологии личности, возрастной и педагогической психологии, социальной психологии, социологии личности, этнологии, исторической психологии, социальной педагогики, в которых разрабатываются различные аспекты проблемы жизненного опыта и жизненного пути. Полагаем, что именно такой междисциплинарный подход позволит положить начало системному исследованию проблемы индивидуального жизненного опыта и интеграции их результатов в процессы социализации подрастающих поколений, социальную педагогику взрослых и психотерапевтическую практику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лактионов А.Н. Координаты индивидуального опыта / Александр Николаевич Лактионов. – Харьков: Бизнес – Информ, 1998. – 492 с.
2. Мельвиль Ю.К. Прагматизм // Современная буржуазная философия / Юрий Константинович Мельвиль. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 498 с. с. 255 – 307.
3. Джемс У. Прагматизм: Новое название для некоторых старых методов мышления / Уильям Джемс. – [пер. с англ.]. – СПб: Шиповник, 1910. – 242 с.
4. Джемс У. Вселенная с плюралистической точки зрения / Уильям Джемс. – [пер. с англ.]. – М.: Космос. – 1911. – 235 с.
5. Джемс У. Многообразие религиозного опыта / Уильям Джемс. – [пер. с англ.]. – М.: Наука, 1993. – 431 с.
6. Юнг К. Проблемы души нашего времени / Карл Юнг. – [пер. с англ.]. – М.: Прогресс, 1994. – 248 с.
7. Юнг К. Жизненные рубежи // Психологические типы / Карл Юнг. – [пер. с нем.]. – С. Лорне. – Мн.: ООО "Харвест", 2003. – 528 с.
8. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность // Хайнц Хекхаузен; [Пер. с англ.]. – Питер – Сенс, 2003. – 864 с.
9. Mead G.H. Mind, Self and Society: from the standpoint of a social behaviorism/ George H. Mead; Ed. wits intord by Charles W. Morris. Chicago Univ. Chicago Press, 1946 / 38.
10. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – Питер, 2002. – 745 с.
11. Исенина Е.И. Предисловие / Елена Исхаковна Исенина; [Роджерс К.] Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: Прогресс, 1994. – 128 с.

Подано до редакції 14.12.09

РЕЗЮМЕ

В статье представлен аналитический обзор теоретических и экспериментальных исследований проблемы жизненного опыта, осуществленных в системе современных психологических учений. В работе проанализирован понятийно-

категориальний апарат проблеми життєвого досвіду людини, а також системообразующие організаційні та функціональні основи життєвого досвіду в рамках ціннісних орієнтацій людини, забезпечуючих успішність її життєтворчості.

Ключевые слова: індивідуальний досвід, діяльність, життєва програма, успіх.

В.Е. Закревський

МЕТОДОЛОГІЧНІ ОСНОВИ ПОНЯТТЯ "ЖИТТЄВИЙ ДОСВІД"

РЕЗЮМЕ

В роботі здійснено аналітичний огляд теоретичних та експериментальних досліджень індивідуального досвіду в системі сучасних психологічних вчень. Розглянуто понятійно-категоріальний апарат проблеми життєвого досвіду особистості, а також системоутворюючі чинники організаційних та функціональних засад життєвого досвіду в межах ціннісних орієнтацій особистості, що забезпечують успішні наслідки життєтворчості.

Ключові слова: індивідуальний досвід, діяльність, життєва програма, успіх.

V.E. Zakrevsky

METHODOLOGICAL BASES OF THE CONCEPT "LIFE EXPERIENCE"

SUMMARY

The article presents theoretical and experimental review of life experience in the system of modern psychological conceptions. It covers some methodological and categorical aspects of personal life experience; demonstrates system-forming, organizing and functioning bases of life experience in terms of personal value orientations providing efficacy of personal life output.

Keywords: individual experience, activity, life program, success.
